

« От Нази до Воркуты »

*Воспоминания жителя с. Покров, попавшего
под репрессии в годы войны.*

Рогов Иван Сергеевич

*Родился в 1914 г., Ярославская
обл.,*

*Мышкинский р-н, д. Голосово;
Штаб 128-ой СД,
Военнослужащий, мл.лейтенант.*

Арестован 16 декабря 1943 г.

*Приговорен: ВТ 128 СД 14 января
1944 г., обв.: 58-10 ч.2.*

Приговор: 10 л л/с

*Реабилитирован 11 июля 1960 г.
ВТ ЛВО*

*Источник: Книга памяти
Ярославской обл.*

От автора.

Так уж сложилась жизнь, что автор приступил к описанию своего жизненного пути лишь в возрасте семидесяти трех лет. Не имея литературного таланта, в своём материале он не допускает никакого вымысла. Все что будет изложено в дальнейшем, - это навсегда врезавшиеся в память события, случившиеся в жизни. К этим воспоминаниям можно

было бы подойти и раньше, но соображения определенного порядка сдерживали это желание. Да и готовились они не для печати.

Что же касается заглавия, то оно говорит о том пути, который пришлось проделать пишущему эти строки не по своей воле.

Небольшая деревенька, расположенная около Ладожского канала, примерно в 10 километрах восточнее Шлиссельбурга, значительно пострадавшая от артиллерийского обстрела и бомбежек, - это и есть Назия. Неподалеку от деревни – железнодорожная станция под таким же названием, и течет речка, пересекающая деревню, тоже Назия.

Ну а Воркута известна всем, и здесь также протекает река под названием Воркута. Расстояние между этими географическими точками более двух тысяч километров.

Сейчас, когда прошли десятки лет, неузнаваемы стали Назия и Воркута. Прошлое ушло безвозвратно, но память вновь и вновь восстанавливает давние события, начало которым было положено на одном из участков Ленинградского фронта.

АРЕСТ

... Должность офицера связи – ответственная. Он обязан хорошо знать боевую обстановку в своей дивизии, информировать о ней штаб армии, других офицеров связи, уметь хорошо работать с картой. В условиях, когда штабы дивизий были расположены на значительном расстоянии друг от друга, следовало досконально изучить местность, чтобы в случае необходимости скрытно проводить представителей командования на позиции соседней дивизии.

В штабе 67-й армии младшему лейтенанту Рогову удалось близко видеть командующего Ленинградским фронтом Говорова и члена Военного Совета Жданова, других военачальников. А с командующим армией генералом Духановым приходилось в одной автомашине выезжать в подразделения.

Словом, необходимо было быть всегда в курсе дел, готовым к получению задания.

- Младший лейтенант Рогов, к начальнику штаба.

На командном пункте дивизии, который располагался неподалеку от переднего края обороны, такие команды громко не произносились, и эта команда прозвучала, пожалуй, даже тихо.

Надевая, шинель Рогов заметил, что дверь землянки слегка приоткрылась, и почудилось, будто кто-то находится возле неё. Не придав этому значения, он по хрустящему снегу направился к полковнику Сальникову.

Декабрьский вечер выдался темным. Облака заслонили луну и звезды. Но Рогов дорогу знал хорошо. Однако два раза останавливался, прислушивался к осторожному скрипу снега под чьими-то ногами, слышавшемуся сзади.

Вот и землянка. Доложив адъютанту о прибытии, Рогов застыл в ожидании вызова.

- Проходите, - пригласил адъютант .

Начальник штаба дивизии полковник Сальников сидел за письменным , покрытым зеленым сукном, скорее похожим на стол какого-то чиновника мирного времени. На доклад младшего лейтенанта полковник ни как не отреагировал. Положив руки на зеленое сукно стола, низко опустив голову, он был молчалив и как-будто печален. Некоторое время в помещении царил мертвая тишина.

По левую руку от Сальникова на стуле у боковой стенки землянки сидел незнакомый майор. Майор встал, потрогал висевший на боку пистолет и негромко, обращаясь к Рогову ,произнес: «Пройдемте со мной» и первым вышел из землянки. Выходя, Рогов заметил, что полковник так и не изменил позы, застыл над столом.

На улице за спиной Рогова возникли два автоматчика, державшие оружие наизготовку. Впервые младший лейтенант заметил, что от землянки начальника штаба в тыл ведет траншея глубиной примерно метра полтора. По ней – то и привели рогова к другой землянке, хозяином которой, как он понял, был майор. Около землянки стояли еще двое с автоматами.

- Положите оружие на стол, - сурово приказал майор. Повинуясь, младший лейтенант выложил свой ТТ на стол начальника.

- Подпишите, - майор подал документ о проведении обыска в землянке Рогова. Испуганный, нервно трясущийся, не дочитывая до конца отдельные слова и фразы, не вникая в их смысл, не обращая внимания на фамилии присутствующих на обыске, тот поставил свою подпись.

За все время нахождения на фронте раза два случалось, что Рогова вызывали к начальнику разведотдела, предлагали выложить все из карманов и с группой направляли в разведку в тыл противника. Этот вызов младшему лейтенанту также вначале показался связанным с каким – либо заданием. Но когда он услышал обращение майора, а на затылке ощутил дыхание автоматчиков, такое предположение пропало.

Майор схватил младшего лейтенанта за погоны с такой силой, что тот чуть не упал. С такой же яростью были сорваны медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». Затем майор выхватил из своего стола нож и так быстро и искусно обрезал у Рогова пуговицы и крючки на шинели, кителе, брюках, что этому мастерству мог бы позавидовать любой портной. Видно было, что к таким операциям майор привык и достиг в этом большого мастерства. Еще минуту назад перед майором стоял стройный, подтянутый и сравнительно молодой офицер, который вдруг превратился в оборванца в растегнутой одежде, придерживающего руками сползающие брюки.

-В машину! – скомандовал майор, и послушные автоматчики вывели Рогова. Двое из них шли впереди, двое – сзади. Мороз усиливался, хватал за нос и уши. Очень мерзли руки, придерживающие брюки и полы шинели. Артиллерийская перестрелка была малоактивной. Поэтому шедшие на нее внимания не обращали. Грузовик с обтянутой брезентом половиной кузова стоял рядом с командным пунктом дивизии. Рогову досталось «место» на полу кузова, посередине, между конвоирами.

- Сидеть и не двигаться!

-Наручники? – слышался голос из-за борта машины.

- Не надо,- ответил кто – то.

Мотор машины зафыркал, и она тихо тронулась с места. Холодный пол, усиливающийся мороз делали свое дело. На всем пути не выходили из головы мысли: что случилось? Неужели в чем – то виноват, если да, то в чем? Хотя вины Рогов за собой не чувствовал.

- Вылезай, - раздалась команда.

Ступив непослушными ногами на землю, Рогов огляделся. Артиллерийской канонады почти не слышно. Кругом деревянные дома, в некоторых окнах горит свет. Проходящие по улице военные громко разговаривают, смеются. В

своей дивизии было множество знакомых, а здесь ни одного. Все больше охватывало чувство безысходности.

- К полковнику Федорову,- и автоматчики повели Рогова в старый деревянный дом с невысоким крылечком в четыре приступочки.

На сей раз никакого доклада. Рогова остановили, не доходя до полковника несколько шагов. Вся изба была занята под рабочий кабинет. И стол был похож на стол полковника Сальникова.

- Ну что, изменник? Хотел отдать Родину врагу? Не выйдет. У нас контрразведка смерш работает отлично. Мы вас найдем и под землей, как бы ни маскировались.

- Товарищ полк...

Рогов не успел договорить, как чем – то тяжелым ударили по голове. Он ткнулся в пол, но быстро поднялся.

- Я таким, как ты не товарищ. Тебе товарищ тамбовский волк.

Впервые Рогов услышал это выражение. А сам он хотел сказать что вины за собой не чувствует, что вероятно, здесь какая – то ошибка и чтобы полковник внимательно во всем разобрался. Хотел сказать, но не мог. Да и от удара голова болела.

- Уведите арестованного.

- На выход, марш!

И опять повели, теперь уже ясно, арестанта. Минут через десять распахнулась дверь – решетка, сделанная из металлических прутьев. Щелкнул замок, слышались удаляющиеся шаги конвоиров.

В маленьком помещении находилось столько народу, что ни сесть, а тем более лечь было невозможно. Никто не обижался, если ему наступали на ногу. Здесь даже не разговаривали, каждый был погружен в свои мрачные мысли. Дыхание людей не согревало помещение, и сильный мороз, проникающий сквозь решетку, донимал еще пуще. Курящим нельзя было согреться и затяжкой – табак отобрали.

Разные это были арестанты. Рогов понял, что здесь находились такие, кто ярко ненавидел каждого русского, и те, кто не чувствовал за собой никакой вины.

Рогов вспоминал тех, с кем тесно соприкасался по службе, с кем дружил, ведь случившееся, так или иначе, коснется и их.

СЛЕДСТВИЕ

Время тянулось мучительно медленно, но однажды дверь-решетка открылась: «Рогов, на выход!»

Мороз смягчился, шел небольшой пушистый снежок. Дышалось полной грудью, свежий воздух пьянил.

Но вот и новое пристанище. Сколоченный из горбыля барак, врытый в землю на полметра, был и длинней и шире, чем прежняя землянка – конура. Переборками он разделен на несколько камер. Шинель и шапка служили и матрацем, и подушкой, и одеялом. На обед - полчашки супа, приготовленного из воды и нескольких рыбных костей, да хлеба граммов пятьдесят, на ужин – горстка каши.

Через трое суток уже к вечеру повели к следователю. Он сидел за столом, перебирая какие-то бумаги, и как будто не обращал внимания на Рогова, затем положил на стол пистолет и вышел. Минут через десять – пятнадцать вернулся, заставил Рогова сесть к столу, поближе к оружию, вновь ушел.

Возвратившись, принес стакан чая и бутерброд с маслом и колбасой. Не спеша достал из пачки пару папирос.

- Закуривай.

- Благодарю, я некурящий.

- Ну, вот что. Ешь бутерброд и ближе к делу. Чем скорей и правдивей расскажешь о своей контрреволюционной деятельности, о своих связях с фашистами, тем лучше для тебя. Поместим в теплую землянку, улучшим питание.

- Не в какой контрреволюционной деятельности я не замешан. Всю свою сознательную жизнь жил при Советской власти, другой не знаю и не признаю.

- Ну, хорошо. Бери бумагу и не спеша вспоминай, какие шаги предпринимал против партии и правительства. Какие рассказывал анекдоты, какую литературу, порочащую наш строй, читал. Вспомни об антисоветских разговорах, которые велись при тебе. Я вернусь через час. Да, не забудь о

листочках, которые фашисты сбрасывают на наши позиции. Где ты их хранил и кому передавал?

Следователь ушел, а Рогов погрузился в свои мысли, не замечая автоматчиков, которые время от времени заходили в комнату. Вспомнил детство, учебу в промышленно-экономическом техникуме, работу после его окончания, службу в рядах Красной Армии, на которую был призван в 1936 году, перебрал в памяти события последних лет, месяцев, дней. Перед глазами всплыли лица жены, друзей, картины боев. Не без гордости подумал, что воевал он неплохо и будучи простым бойцом, и командуя отделением, а затем взводом.

Ничего порочащего в той прошлой, до ареста, жизни Рогов не нашел и коротко изложил об этом на бумаге.

Теплота разморила, расслабила, хочется спать. Но Рогов принимал усилия, чтобы не поддаться этому желанию.

- Ну, что, написал?

- Да, написал.

Следователь прочитал, криво улыбнулся.

- В землянку на одного,- сказал он, обращаясь к конвоирам. В крохотном помещении прямо на земле была уложена доска – для спанья. Рядом чурбан. Во весь рост ни встать, не вытянуться лежа. Температура – как на улице. Но измотанный Рогов, свернувшись калачиком, уснул.

Проснулся, когда принесли завтрак. Продрогший Рогов, выпив теплого кипятка, кажется, немного согрелся.

День прошел в размышлениях. На ночь поместили соседа. На одной доске лежали вместе, согревая друг друга. Сосед был одет потеплей и весьма словоохотлив. Он рассказал, что его брат работает в контрразведке смерш, поэтому ему, якобы известны факты, когда убегают из - под стражи и возвращаются на фронт. Этих беглецов никто не ищет. Такое предложение было сделано и Рогову.

- Уговорим часового, дадим ему деньги. У меня они есть, не нашли при обыске. Ночью попросимся в туалет и «уйдем». А часовый поднимет тревогу лишь после того, как покинем расположение этой части. Когда брат узнает, что убежал, то искать не станут.

Рогов отказался, заявив, что вины за собой не чувствует и будет ждать справедливого завершения следствия.

Днем этого человека увели, и обратно он не вернулся.

Поздним вечером Рогова вновь вызвали к следователю. Следователь был другой, на вид более строгий, с суровым взглядом.

- Я веду ваше дело, моя фамилия Михайлов.

Михайлов положил перед Роговым пачку папирос и предложил бутерброд с колбасой.

- Перейдем к делу. И вот здесь стали выкладываться факты «контрреволюционной» деятельности.

Как-то в октябре 1943 года капитан Власов в присутствии других офицеров рассказывал, как у них проходила коллективизация. Вспоминал смешные и печальные факты. Рогов заявил, что нечто подобное происходило и в их деревне, но ничего смешного он в этом не видит.

Второй случай. Примерно в эти же дни на ужин выдали колбасу. Ну а за ужином разговоры бывают разные, нередко шуточные. Вот старший лейтенант Алексеев после ужина и спросил у Рогова, чего бы он хотел сейчас.

– Чтобы около землянки была колбасная, - смеясь, ответил Рогов.

- Своя колбасная?

- Да не худо бы. Тогда больше достанется.

Еще случай. Командиром 741-го полка 128 –й дивизии был полковник Елдашев, татарин по национальности. И тот же Алексеев спросил Рогова: «Ты командовал отделением и взводом. Были там татары?»

Рогов ответил, что были и татары, и казахи. Он не знает их языка, а они плохо понимают по-русски. Поэтому командовать ими в боевой обстановке очень трудно.

Как-то у офицеров в землянке оказалась газета, попавшая из Ленинграда. В одном из материалов священослужитель отец Василий на вопрос бойцов о том, можно ли стрелять по церквям, если там засел враг, ответил утвердительно. Рогов заметил, что, безусловно, фашистов надо уничтожить

беспощадно, но, по мере возможности, к историческим ценностям следует относиться бережно, даже в условиях фронта.

Были приведены еще один-два подобных факта. Все это и стало составом преступления, и главным пунктом обвинения явилась «контрреволюционная агитация реди узкого круга лиц офицерского состава в военное время».

И как Рогов не доказывал, что изменой здесь и не пахнет, как ни объяснял следователю нелепость обвинения - все было бесполезно.

Следователь требовал подписать признание, угрожая пистолетом, по три четыре раза в ночь вызывал на допрос.

И вот очная ставка. Перед следователем Рогов и капитан Рузаев. Тот самый Рузаев, который присутствовал при всех разговорах, послуживших причиной ареста.

Духовно сломленный, обессиленный Рогов понял, что ему не оправдаться.

Ночью часовой предложил Рогову обменяться шинелями, мол, все равно расстреляют, а тут еще в придачу кусок хлеба. Очень уж хотелось солдату пощеголять в офицерской одежде. Сделка состоялась, на таких же условиях были обменены и сапоги.

Начальство встречало Новый год. Доносилась музыка, слышались песни, нетрезвые голоса. Для таких, как Рогов, сидящих в насквозь промерзших землянках, это было настоящей пыткой. Одна отрада: после праздников в похлебках, арестованных было побольше рыбных костей.

Рогов все больше думал о расстреле как избавлении от всех бед. Этому способствовали слова часового, да и следователь стал, наконец, говорить, что тебе, мол, все - равно «вышка», так что подписывай протоколы. Изматывали и побои. «Чем быстрее все кончится, тем меньше страданий», - думал Рогов.

Поэтому, не глядя на бумаги, пописывал и подписывал все, что предлагал ему следователь.

Этот вызов был неожиданный в полдень.

- Следствие закончено, - произнес Михайлов.

Единственное что рассмотрел Рогов из предъявленных ему документов, - это фотографии в фас и профиль с продолговатой доской, висящей на груди, где

указана его фамилия, да листки плотной бумаги, на которых были сняты отпечатки пальцев и ладоней обеих рук.

СУД. КРЕСТЫ.

И вот заседание военного трибунала.

- Встать, - Рогов вытянулся, руки по швам.

Из соседней комнаты вышли три офицера. Среди них начальник химической службы той дивизии, где Рогов служил.

Председательствующий зачитал обвинительное заключение.

- Подсудимый, признаете себя виновным?

- Нет, не признаю.

- Протоколы следствия подписали вы, или подписи поддельные?

- Да, протоколы подписывал я.

Председатель военного трибунала стал приводить факты, когда Рогов вел якобы антисоветские разговоры.

Неожиданно из-за стола поднялся начальник химической службы.

- При беседе, о которой вы упомянули сейчас, присутствовал и я. Однако Рогов в этом случае не было, - сказал он, обращаясь к председательствующему.

Среди членов трибунала возникло легкое замешательство. Объявили перерыв, после которого судебное заседание вели уже два человека. Весь процесс занял столько времени, сколько необходимо для зачитания обвинения и приговора.

- 10 лет исправительно - трудовых лагерей и пять – лишения в правах. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит,- как сквозь вату донеслось до Рогова.

Он шел под конвоем. Шел по тем местам, где участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда. А вот и железная дорога, построенная на болоте и затем заменившая «дорогу жизни». Куда она приведет Рогова?

Поезд двигался неспеша. Сквозь заколоченные окна пробивался робкий свет. Тихий гул разговоров слышался в вагоне. Заключение строили догадки о том, куда их везут, на каких работах предполагают использовать.

Остановка.

- Выходи, руки назад!

Вели вдоль высокой каменной стены. Распахнулись железные ворота, и заключенные оказались в тюремном дворе.

- Ленинград, «Кресты»,- произнес кто-то.

В тюремном приемнике тщательно обыскали, сфотографировали, дактилоскопировали, а затем развели по камерам. Рогова повели на третий этаж. Было необычным видеть, что проемы лестничных клеток затянуты сеткой. Тут и там в стенах встречались ниши. Впоследствии Рогов узнал: в них лицом к стене становится заключенный, если навстречу ведут другого.

В камере, куда привели Рогова, находилось человек пятьдесят. Вот это публика! Шум невероятный, крики, мат, угрозы. Досталось и Рогову. Место отвели около параша.

Воню пришлось дышать недолго – перевели в другую камеру. Оказывается, влопыхах тюремное начальство поместило его к уголовникам, нарушив тем самым правила о раздельном содержании политических и уголовных преступников.

Рацион тот же – водорыбкостный. Выдается кусочек хлеба на сутки. Хочешь – ешь сразу, а можешь и растягивать, отщипывать по щепотке. А вот утренние прогулки обязательны. Тюремный двор представлял собою каменный колодец, обнесенный поверху колючей проволокой. По его углам расположены вышки, внизу на прогулочной площадке – тюремная стража.

Один за одним по кругу в течение пятнадцати минут ходят заключенные.

С Роговым в камере находился эстонец, Калласте, осужденный за измену Родине. Однако обменивались они лишь общими, ничего не значащими фразами, у Рогова еще свеж в памяти случай, когда ему из провокационных целей предлагали побег, да и сокамерник, видимо, был научен горьким опытом. Недолго пробыли они вместе. Когда Колласте увозили, тот чисто, по

русски сказал: «Прощай, товарищ. Я думаю, долго мне не жить. Желаю тебе преодолеть все трудности, выйти на свободу здоровым и обнять родных».

В камеру не приносят ни книг, ни газет. Томит одиночество. Лишь время от времени в глазок заглядывает надзиратель. Если видит, что узник закрылся с головой одеялом, то следует строгий окрик и предупреждение о переводе в карцер.

ИТК - 1

На Константиноградскую, 6, где размещалась исправительно – трудовая колония, Рогов был переведен через несколько дней после оглашения приговора. Вначале исполнял подсобные работы, а затем был поставлен к токарному станку, где изготовлял детали для мин. После двенадцатичасового рабочего дня – занятия в учебном классе.

Большие нагрузки (попробуй не выполнить норму), недостаток питания сказались на здоровье. Рогов ослаб, ноги распухли. После работы, поднимаясь в камеру, отдыхает на каждом шагу. Заметив это, начальство предоставило двухнедельный отпуск.

ИТК-1 расположена на Обводном канале, на другой его стороне – александрово – Невская лавра.

Днем со стороны лавры видны люди, смотрящие на окна камер.

Главные фигуры колонии – начальник Тури и оперуполномоченный Чухман. У них имелись подручные из числа заключенных, обладающие большими правами в своих корыстных целях. Поговаривали, что у главного бухгалтера в цветочном горшке, стоящем на рабочем столе, было обнаружено около 17 тысяч рублей. Деньги получены путем махинаций с талонами на дополнительное питание заключенных, с их заработной платой.

Особое место среди подручных занимал комендант Коган. Свою должность справлял усердно. Появление Когана среди заключенных, собирающихся после завтрака и ужина возле столовой, было редким. Но уж если появлялся, то многие получали оплеухи, а иные направлялись в карцер. Не миновали побои, пребывание в карцере и Рогова.

А оттуда на верх – «кум» вызывает. «Кумом» на жаргоне называли оперуполномоченного.

- Не хочешь дальнейших неприятностей, прислушивайся к разговорам. О всем подозрительном кратко записывай и передавай мне.

Рогов отказался, приводя различные доводы.

- Не торопись, подумай. Я тебя еще вызову,- напутствовал на прощание Чухман.

К счастью для Рогова, больше вызовов не последовало.

Среди заключенных были специалисты разных отраслей, партийные, комсомольские, хозяйственные работники, военные. Многие сидели семьями, раздельно, конечно. Содержались и уркаганы, за плечами которых грабежи, убийства. Объединяло одно – все они были осуждены в соответствии с уголовным кодексом, хотя по разным статьям. Те и другие регулярно подвергались обыскам. Изымались даже письма личного характера, на которых стояли тюремные штампы, свидетельствующие о том, что текст цензурой проверен и разрешен к прочтению.

Война закончилась. Питание стало получше. В один из дней к станку Рогова подошли начальник цеха и с ним какая-то женщина. Когда рогов бросил на нее взгляд, то обомлел. Это была Зинаида Александровна Чертажевская, хорошая знакомая его и жены – Валентины Яковлевны.

Зина взглянула на Рогова, покраснев и смутившись, произнесла: «Здравствуйте» и прошла дальше. Как выяснилось, Чертажевская работала начальником производства.

Через некоторое время Рогова вызвали к начальнику цеха. Кроме него в кабинете находилась и Чертажевская.

- Я все знаю. Сообщаю тебе, что Саша Филонов и Гриша Либгубер (общие друзья) погибли на фронте. До свидания, иди работать.

На следующий день Рогов был назначен на должность бухгалтера в цехе.

Рогов часто писал по просьбе заключенных ходатайства, прошения о пересмотре их дел, использовал все возможности, чтобы связаться с родными. И хоть с большим опозданием, но весточки от них стали поступать. Пришли письма от сестер, жены, которая рассказывала о сыне, которого Рогов не разу не видел, своем житие-бытие. А летом 1946 года вместе с сынишкой она приехала на свидание.

Оно состоялось в большой комнате с решеткой на окнах, железными дверьми, в присутствии двух надзирателей, не спускавших глаз с беседующих. Среди других находились и Валентина Яковлевна с четырехлетним Юрием. Как много хотелось сказать друг другу!

А ребенок тем временем носился по помещению, то и дело подбегал к Рогову и, обнимая его кричал:

- Это мой папа! Это мой папа!

Используя благоприятный момент, Рогов передал жене для отправки большое письмо на имя К.Е. Ворошилова, где подробно описал все происшедшее с ним. Валентина Яковлевна искусно спрятала письмо в одежде.

- Свидание прекращается.

Заклученных уводили. Юрий, захлебываясь слезами, что-то кричал вслед отцу.

Затем навещали и другие родственники.

Прошел слух, что в колонии новый начальник – Лебедев. Однажды Рогов, готовил, какие – то срочные материалы и не заметил, как в комнату зашел Лебедев со своей свитой.

- Встать!

Рогов вскочил, опрокинув стул.

- Немедленно на этап, - закричал взбешенный начальник.

Сразу же появился конвоир и отвел Рогова в камеру за вещами, а затем в подвальное помещение, где собирают этапников.

ЭТАП

Перевозка из ИТК – 1 до пересыльного пункта осуществляется следующим образом: подходит грузовик, в его кузове быстро в несколько рядов выстраиваются заключенные, а затем раздается команда: «Садись». Когда заключенные одновременно садятся на дно кузова и задний борт закрывается, то люди, сидящие вплотную друг к другу, образуют нечто вроде живого замка. Из него по одиночке не выбраться.

И вновь «Кресты». Когда этап сформирован, он собирается во дворе. Вокруг охрана с рвущимися на поводках овчарками.

Для этапников подготовлены товарные вагоны «телятники». Эшелон заполнен, можно и в путь. Но куда? Может в Магадан или Караганду, а может в Архангельск? Только бы не в Дудинку. Там, говорят, хуже, чем на Колыме.

В товарном вагоне нары в два этажа. Раздвижные двери закрыты снаружи на два солидных замка. Открываются они два раза в сутки. На завтрак каша на воде и кружка кипятка. Тогда же выдается суточная норма хлеба. В обед жидкий суп, плескающийся на дне тарелки.

Круглые сутки заключенные лежат на нарах и , пытаюсь согреться, тесно прижимаются друг к другу.

Во время проверки раздается команда: «В правый угол». И все заключенные с одной стороны вагона мигом перебегают на другую сторону. В это время в вагон просовывается деревянная кувалда, насаженная на длинный шест, и проверяющий начинает лупить опоздавших с перебежкой. Затем заключенных вновь перегоняют и при этом ведут счет. После каждой такой проверки у многих синяки на теле, шишки на голове.

А однажды дем поезд остановился где-то в лесу. Снаруж слышались выкрики, лай собак. Прошел слух, что из соседнего вагона совершен побег. Стоянка продолжалась часа три. За это время была проведена дополнительная проверка и кувалда лишней раз «прошлась» по заключенным.

Монотонность движения, темнота в вагоне, неизвестность, ждущая впереди, наводили тоску.

- Гады, да расскажите что-нибудь, - раздавались голоса.

Время от времени кто-то начинал говорить, но вскоре умолкал.

Среди заключенных был один в возрасте уже за 50 лет, высокий, стройный, с длинной черной, но уже седеющей бородой. Одет в поношенную черную шинель железнодорожника. «На воле» работал помощником наркома, а затем начальником крупного главка. Звали его Василий Николаевич Защепин. Познакомились Защепин и Рогов незадолго до этого, но быстро сдружились.

- Как то мы с тобой вспоминали малоизвестные книги. Расскажи из них что-нибудь, - обратился Зацепин к Рогову и объявил:

- Послушайте, мужики рассказ.

- В городе Берлине в зимнюю морозную ночь у одного из самых богатых жителей фон Рюдена родился сын. В ту же ночь на окраине города у бедного кузнеца тоже родился сын.

По ходу рассказа Рогову пришлось самому придумывать некоторые сцены, менять сюжетную линию, но слушали с интересом. И когда – кто в углу заговорил, в него бросили чем-то тяжелым:

- Молчи, гад, не мешай отцу рассказывать.

После этого никто не мешал Рогову. Но вот остановка. Принесли завтрак. И уже знакомый голос кричит:

- Горбушку отцу.

Горбушка – не только лакомство для «зеков». У нее по- больше корочек, чем у ломтя, корочки по - суше и объема побольше, а значит посытней. Из-за горбушек порой возникали драки. Если заметят, что вчера тебе досталась горбушка и сегодня ты тянешся за ней, то рискуешь быть избитым.

Люди, наконец, разглядели, что рассказчик отнюдь не пожилой человек. Но слово «отец» уже прочно прилипло к Рогову. И когда при раздаче баланды тот же голос произнес:

- Отец, бери первый, - никто возразждать не стал.

Теперь обрывать рассказ нельзя. А книга называлась «Зигфрид» - парень чемпионов». Так шло время. 7 ноября 1946 года поезд прибыл на станцию Воркута.

Привезли в барак, по которому ходил незнакомый майор и, не стесняя себя в выражениях, костил заключенных, время от времени раздавал тумаки.

- Здесь для вас нет Советской власти. Мы усмиряем вот чем,- сказал майор, показав наручники и палку.

Чем - то Рогов не понравился майору.

- На стройку, - и отпустил оплеуху.

ВОРКУТА

Вскоре Зацепина перевели на другие работы, а Рогов оказался в бригаде строителей отдельного лагерного подразделения (ОЛП) на Воркутинском механическом заводе.

Первое, что узнал Рогов: заключенные делятся на «мужиков», фраеров, блатных (урок, воров).

«Мужики» - те, кто «вкалывает» на различных работах, люди самые бесправные. Фраера, их частенько называют придурками, работают в конторах, на руководящих технических должностях. Блатные, те к труду и двум названным категориям относятся с презрением. Проживая в основном за счет «мужиков», они заняты игрой в карты, кражами, грабежами заключенных. Блатные обирают «мужиков» и фраеров, заставляют последних делать приписки в документах, чтобы им, ворам больше досталось.

Но самые страшные противоречия между блатными. Они разделяются на «честных» и «ссученных». К «честным» блатным относятся те, кто нигде не работает, ворует, проводит время за картами. Что касается «ссученных», то они ведут такой же образ жизни, но исполняют должности нарядчиков, комендантов, дневальных и даже охранников. Между ними идет настоящая война, и в ОЛП зачастую случаются убийства. Причем происходит это на виду у многих.

... Ночью в барак, где кроме Рогова, проживало 97 человек, заходят четверо, и один из них орет: «Лежать, суки! Не вставать, пока не уйдем».

У всех четверых в руках ножи. Двое остаются у двери, остальные быстро идут по бараку, срывая с заключенных одеяла. «Кого – то ищут», - догадался Рогов.

- Что, гад, узнаешь, - слышалось от нижних нар в углу.

Человек, захлебываясь криком, ползет под нары, но его вытаскивают оттуда за ногу и наносят удары ножами.

- На вахту сообщите через 20 минут, - и убийцы уходят.

Потом Рогов узнал, что убили бывшего дневального.

Был он и свидетелем другого случая, когда к товарному эшелону, предназначенному для перевозки этапа, подвели две колонны, в которых были враждующие группы. Между «честнягами» и «ссученными» возникло

побоище. И как ни старался конвой разнять дерущихся, пуская в толпу овчарок, еще долго то тут то там мелькали ножи, заточи, другие предметы. Немало трупов после этого осталось на земле.

Рогов заметил, что из лагеря их бригада выходит в количестве 25 человек вместе с бригадиром, а работают только десять и эти десять должны давать такую выработку,какую положено всей бригаде. По выполнению норм определяется рацион, начисляется денежное довольствие. Чем больший объем работы заключенные выполняют, тем больше пайка хлеба, гуще похлебка достается им, но в первую очередь блатным.

Здесь многое зависит от бригадира. Так, при оформлении документов он завывает расстояние, объемы перевозимых грузов. Проверить невозможно: все быстро заносится снегом.а уж на его расчистке «перекрывать» нормы легче легкого: метели такие, что приходится ходить, держась за натянутые канаты.

Таким бригадиром был и Некрасов, ходивший всегда с ножом, заявлявший, что никого не боится. С конвоем он обращался самым вольным образом, чувствовал себя хозяином над работягами. Строители работали в две смены: первая – с 7 до 19 часов, вторая – с 19 до 7. При выводе заключенных на работу барак вбегал нарядчик Ашихман и криком: «Без последнего» избивал дубинкой арестованных. Поэтому при его появлении в дверях заключенные прыгают с нар, на бегу одеваются, чтобы не оказаться в последних рядах. Доставалось от начальника и бригадирам. А над всеми ними – прораб. Так цепочка тянется до самого верха.

И нарядчик, и ему подобные, выгоняя дубинками на работу, били не всех. С блатными, которые не выходили на работу, нарядчики, бригадиры, коменданты, дневальные предпочитали жить мирно. Более того, они сами их побаивались, ходили в подручных.

...Ашихман перестал заходить в барак, не слышно его крика»: «Без последнего». Зато прошел слух: появился Володька Душегуб. Рассказывали, что на его счету множество убийств и срок его заключения по приговорам в общей сложности переваливает за 200 лет.

С этим Володькой Рогову пришлось встретиться.

Однажды, придя с работы, онувидел, что часть барака отгорожена плащ-палаткой. Там поселились двое. Мужчина выше среднего роста, немного сутуловатый, плотного телосложения и женщина, похожая на китаянку. Она

ходила по бараку как хозяйка, не вступая ни с кем в разговоры. Как – то когда Володька одевался, Рогов увидел ножи, прибинтованные к правой и левой рукам.

Около плащ – палатки день и ночь находятся какие – то парни. Для них слово Володьки – закон. Обед ему приносят из столовой, он иногда ворчит по поводу невкусных блюд. Вся эта компания конечно, конечно, на работы не ходит.

В барак постоянно заходили надзиратели, но ни на Володьку, ни на его окружение никакого внимания не обращали, будто - бы их не существовало.

Так прошло около двух месяцев. В лагере участились убийства. Наконец удалось обманым путем завлечь Володьку на вахту и отправить по этапу.

Лагерное начальство пыталось освободиться от неудобных ему элементов, а поэтому время от времени формировались этапы. Так было и в Воркуте, и Дудинке, и на Колыме. Ну а взамен одних прибывали другие с теми же пороками и наклонностями. О том, когда собирается этап, о его маршруте первыми узнавали урки, и если в этапе большинство «ссученных», то воры принимают все меры, вплоть до нанесения себе увечий, чтобы в него не попасть, так как рискуют быть убитыми. Рогов знал одного заключенного, который гвоздями прибил свою мошенку к табурету и попал в санчасть. Самоистязание , возможно спасло от смерти.

Нарядчикам и комендантам из числа заключенных лагерное начальство доверяло многое, в том числе распределение рабочей силы в мужских и женских подразделениях. На Воркутинском механическом заводе работали заключенные обоего пола. А там ,где действует закон «челове человеку волк», женщины оказались в наиболее унижительном положении. Рогов был свидетелем того, как в мужской барак затащили женщину и в очередь к ней выстроились человек двадцать. А сколько горя принесли те, кто держал «верхушку» в лагере, сколько судеб изломали. Рождались и дети. Матерей называли «мамками». Некоторое время они с детьми находятся в лагере, а когда те немного окрепнут, отбирают и увозят неизвестно куда.

В 1946 году, переехав на постоянное место жительства из города Молотовска Архангельской области в Рыбинский район, жена Рогова – Валентина Яковлевна устроилась заведующей учебной частью детского дома, что

расположился в местечке Калинкино. Здесь, в Рыбинске, жили мать, пять сестер и брат.

Летом 1948 года Валентина Яковлевна попросила у высших властей разрешения на свидание с Роговым, но ей было отказано. Тогда она, собрав небольшую сумму денег, дерзнула самостоятельно поехать на Воркуту, хотя знала, что за свой поступок может остаться там (в Воркуте) в колонии заключенных лет на десять.

Оставив шестилетнего Юру в детском доме и попросив золовку присмотреть за ребенком, Валентина Яковлевна поехала в Заполярье.

...Знакомые сослуживцы (заключенные) выделили для Роовых комнатку в модельном цехе, в которой весь день они могли быть вместе. Для Валентины Яковлевны был выписан пропуск, и она имела право приходить на завод как его работник.

На второй день появился посыльный и сообщил, что Рогова вызывают на вахту. Оставив жену в модльном цехе, тот побежал в свой отдел.

- Кто к тебе приехал? – спросил нарядчик.

- Приехала сестра, она сейчас в городе, часа в четыре обещала прийти на завод и принести что-нибудь поесть.

Нарядчик повел Рогова на вахту, и один из вахтеров приказал: «Наручники!» рогов протянул руки, но тут же последовала команда: «Отставить!» Ему объяснили, что через проходную его сестру не пропустят и что через 24 часа она должна покинуть Воркуту.

На следующий год Валентина Яковлевна вторично приехала к мужу, на этот раз добившись свидания. Так состоялось третье свидание Рогова с женой за период его заключения.

В лагере стали носиться слухи, что всех академиков, инженеров – заключенных отправляют в спецлагеря, на Урал. Там делают что-то секретное и что оттуда никто не возвращается. Слухи слухами – но были отправлены куда-то несколько заключенных, имеющих высшее техническое образование.

На должность начальника ОТиЗ был назначен некий Каплан. Этот человек не был в заключении. В начале войны он эвакуировался из Белоруссии поближе к Уралу. Но и его постигло несчастье. Единственную дочь его

немцы вместе с другими такими же, как она, угнали в Германию. О дочери Каплан не имел никаких сведений.

Он не был инженером. Вся работа по техническому нормированию вели нормировщики. И здесь Каплан проявил особое внимание к Рогову, ибо тот с бухгалтерской аккуратностью составлял все отчеты, которые требовались для начальства.

Вскоре Каплан был «переброшен» на только что введенную в строй угольную шахту, а на его место был назначен некто Юферев. Этот вольнонаемный к лагерникам относился с пренебрежением. Он уволил из своего отдела всех заключенных, а Рогова перевел на должность нормировщика инструментального цеха. Вскоре после этого Рогова назначили бригадиром в электроцех.

Вышло положение, предусматривающее для лагерников следующие льготы: если заключенный выполнит норму выработки на 151 процент, то ему засчитывается срок три дня за один; если на 126 процентов два дня за один. Однако стали поговаривать, что это касается только шахтеров. Получить наивысший процент выработки стало мечтой для каждого заключенного.

Как-то на механический завод зашел бывший его работник Каплан.

- Переходи на работу в шахту, - предложил он Рогову. – Гарантирую тебе зачет три дня за один.

Рогов дал согласие.

Шахта была расположена от завода на значительном расстоянии. Заключенных, человек пятьдесят, везли в вагоне по узкоколейке.

На шахте работало большинство каторжан. Вместо фамилий – номера на одежде. Рогов попал в бригаду навалоотбойщиков. Но так как отбивать уголь он не умел, ему дали в руки лопату.

Людей отпускали в шахту и поднимали из нее, как правило, по вспомогательному стволу. Однако были случаи, когда они поднимались вместе с углем или техникой по главному стволу, в результате происходили несчастные случаи со смертельным исходом. Не удержится человек на угольной вагонетке и летит в бункер, а глубина главного ствола – около 1200 метров.

Раньше времени рабочих из шахты на поверхность не поднимали. Восемь часов находились они под землей – без еды и курева.

Хотя работали каторжане вместе с простыми заключенными, однако условия жизни были другие. У каторжан – «свои», особые бараки, после работы они не имели права выходить из них.

Начальником шахты был некий Близнюков, Каплан пользовался у него авторитетом. Благодаря этому через несколько месяцев (Каплан) добился перевода Рогова к себе в отдел, оставив его в списочном составе шахтеров. Рогову засчитывалось за каждый отработанный день три, так как бригада, в которой он числился, постоянно выполняла требуемые нормы выработки.

... Декабрь 1951 года. В один из дней нарядчик объявляет:

- Рогов, на работу не пойдешь. Ты назначен на освобождение.

Дрожь по телу. Может, ошибка? Ведь до конца срока Рогову осталось два года. А может, на этап? Что будет, то будет.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

...РОГОВУ выдали 2560 рублей. Это его заработок, который хранился на его лицевом счете. Что касается облигаций ежегодных займов, на которые подписывались все заключенные, то их почему-то не выдали.

В последний день пребывания на шахте Рогова вызвал оперуполномоченный, предупредил, чтобы он нигде, никому не говорил, где отбывал наказание и что делал. Затем потребовал подписку.

На пересыльном пункте собрались этапники и освобождающиеся. Последние робеют, боятся . и не случайно. Зная, что у освобождающихся есть деньги, блатные их выпрашивают, воруют, отнимают.

На пересыльном пункте держали несколько дней. Неотвязно преследовала мысль: неужели что-то в документах не так? Наконец начальник (из заключенных) вытолкнул Рогова из дверей пересылки и громко закричал: «Больше сюда не появляться!». Такой был обычай у заключенных. С узелком в руках Рогов заметался по сторонам, все казалось – идут опять забирать, потом, как заяц, бросился бежать по снегу. Вот и вокзал. Скорей бы в вагон!

В вагоне собрались в основном бывшие заключенные. Пьянки, сквернословие, лагерный жаргон.

В голове у Роговы одна мысль: домой, к родным и близким, которые ожидают его почти десять лет.

Вот и Рыбинск. Радость встречи сменилась вскоре тревожной думой: как найти работу. Везде обновления требуются рабочие. Но как только руководитель какой-нибудь организации, куда обращался Рогов, смотрел его документы, тут же возвращал их со словами: «Лишенец. Не берем!» это длилось довольно долго.

В 1960 году Военный трибунал Ленинградского военного округа в отношении Рогова вынес решение: «За отсутствием состава преступления уголовное преследование прекратить. Решение Военного трибунала (1944 год.- прим. редакции) 128-й стрелковой дивизии отменить»

Послесловие автора.

У А.Солженицына, автора многотомного произведения «Архипелаг Гулаг» есть небольшая повесть «Один день Ивана Денисовича». Если бы эту повесть поместить в газете «Новая жизнь», то она заняла бы несравненно больше газетной площади, чем «от Назии до Воркуты», где описаны десять лет того же Ивана...

Но автор этих воспоминаний не в обиде на газету, хорошо понимая, что ее страницы в основном предназначены для показа политической, экономической и культурной жизни района. Поэтому материал «От Назии до Воркуты» печатался со значительными сокращениями.

«Живу ли я, умру ли я, но все же я птичка счастливая!» - кажется, так или почти так написано у Войнович. Пройдя через трудности и большие испытания, жизнь на склоне лет кажется очень хорошей.

Автору этих строк в феврале исполнится 77 лет, а его жене Валентине Яковлевне – 70. В этот же день исполнится 50 лет супружеской жизни. Золотая свадьба – так принято говорить в народе. Соберутся дети, внуки, правнуки. А сын, который вместе с матерью в 1946 году приезжал на берега Невы посмотреть через железную решетку на своего отца, в этот же день будет справлять свою серебряную свадьбу. Среди собравшихся будет и внук Рогова, который два года служил в Афганистане.

Рыбинский райсобес обещал Рогову сделать перерасчет пенсии как участнику Великой Отечественной войны. И если это случится, то придется по такому поводу отоварить винные талоны.

Вот и на нашей улице праздник.

Перепечатано газета «Новая жизнь» №№139,141,142,144,145,147,148,149 .-
1990 год